

## ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ

*М. В. БАБАЛАЕВА*

### **Страдание в контексте духовного роста личности**

**В**опрос о смысле страдания является фундаментальным вопросом, волнующим человечество на протяжении всей истории его существования. Много веков физические и душевные недуги сопровождают человека, омрачают его существование. Есть ли смысл в болезнях, печалях, тревогах и горестях? Даны ли они нам свыше для преодоления нашего эгоизма, замкнутости на себе? Способствуют ли они более глубокому проникновению в мир чужой души? Наделяет ли нас переживание собственной физической или душевной боли способностью чутко реагировать на боль другого? Не будит ли в нас собственный опыт страдания желание бережно относиться ко всему тому, что окружает нас — к людям, к животным, к природе в целом? Выступает ли страдание основой душевного роста и преодоления в себе зла, или оно является неизбежным следствием слепых сил природы? Быть может, мы имеем дело с отношением бездушной мировой вселенной к человеку как к малой песчинке живой материи. Быть может, в эту вселенную человек был некогда брошен не по своей воле и теперь он вынужден подчиняться ее законам.

Страдание — это определенное состояние человеческой души. Каждый человек знаком с этим состоянием. Страдание есть неотъемлемая часть бытия. В. Барулин пишет: «... страдание — это норма, это естествен-

ная грань человеческой жизни»<sup>1</sup>. Обычно вопрос о страдании рассматривается в двух основных фи-

лософских аспектах: как необходимый удел человека, поскольку последний детерминирован законами физического, живого мира и потому подвержен болезням, старению и смерти; и как единственный возможный путь преобразования и совершенствования личности.

Положительную оценку страдание получает в религиозном понимании, так как в этом случае страдание представляет собой искупление за совершенные грехи и испытание его направлено на преобразование духовного мира человека. Однако Н. Бердяев из всех мировых религий лишь христианству отводил роль веры, призывающей к мужественному принятию страданий и безбоязненному отношению к нему. Согласно мнению философа, все остальные учения боятся и бегут от страданий.

Пессимистическое мировоззрение усматривает преобладание в мире страданий, а также совершенно определенно указывает на тщетную борьбу добра со злом. Безысходность и бесцельность жизни, торжество несправедливости — вот основные тезисы философии пессимизма.

Согласно буддизму человеческое существование есть бесцельное вращение в круге постоянных перерождений. Даже сама жизнь

представляется неиссякаемым потоком идущих друг за другом страданий. И единственный способ их избежать — полностью отрешиться от жизни, достичь нирваны. По сути, буддизм — есть учение, проповедующее божьянь страданий.

Отрицательное восприятие страдания характерно и для стоиков. Стоицизм — это учение о спасении от страдания. И хотя стоики являют миру высокое нравственное усилие человека в выборе не апатичного покоя, но стремления навстречу жизни, пускай и наполненной горькими переживаниями, они хотят согласовать страдание с принципом разумности. Идеал стоицизма — мудрец, руководствующийся непогрешимым нравственным идеалом апатии, позволяющим ему не испытывать ни радости, ни страдания и признающий лишь власть разумного нравственного закона.

Страдание в целом одинаково и вместе с тем индивидуально, различно. Являясь лейтмотивом человеческого бытия, оно каждым поколением и каждым отдельно взятым человеком осмысливается по-новому. Р. Дж. Х. Сью в своей работе «Панэтика» говорит о страдании как о переживании, имеющем двусоставную дихотомическую категорию, содержащую абсолютное и относительное начала. К первому отнесены физиологические начала, являющиеся общими для всех людей и не зависящие от рамок определенной исторической эпохи. Это такие состояния, как: боль, смерть, страх, голод, болезнь, унижение, паника. Относительно-историческая категория страдания обусловлена определенной эпохой, ее историческим содержанием, контекстом. Человек, помимо своей воли, оказывается втянут в определенные условия и отношения, обуславливаемые историко-цивилизационными процессами.

Не стоит путать страдание с другими негативными переживаниями по поводу различных неприятностей, неудач. От них страдание существенно отличается не только глубиной и накалом, но главным образом — глобальным охватом всего существа человека, переживающего это состояние. Оно под-

рывает глубинные устои и привычную картину мира личности. Характерной чертой страдания является его неизменность в случае, если человеком не прилагаются определенные душевные усилия. Страдание — это усилие преодоления, это накал и напряжение души, это подъем человека через свое преодоление.

Н. Бердяев связывает интенсивность страдания с интенсивностью самой жизни человека и с выраженностью его личности. Философ пишет: «Отказ от интенсивности жизни, отказ от личности может ослабить боль. Человек уходит в себя от мира, который полон страданий и причиняет ему страдания. Но, уходя в себя и изолируясь, человек начинает испытывать новые страдания, и у него является потребность уйти от себя, побудить мучительную самопоглощенность»<sup>2</sup>. Страдание обладает вектором движения, задающим определенную цель, ведущим к идеалу. Саму жизнь часто сравнивают с онтологическими качелями, то опускающимися к боли, то поднимающимися к наслаждению. Но состояние счастья, душевного достатка, наслаждения и успеха является все же конечным результатом, которому не присуще желание дальнейшего развития. Человек стремится к такому состоянию, предпочитает его страданию.

И. Ильин рассуждает о страдании в контексте закона бытия — общего для каждого земного существа. Философ предлагает учиться страдать возвышенно, достойно и одухотворенно. В этом он видит искусство жизни и ее тайну. Ильин выводит возникновение страдания из способа жизни, который является непреложностью и данностью. Наличие бессмертной души с одной стороны и ее ограничение законами телесности с другой рождает душевные муки и терзания. «Я — свободный дух; но этот свободный дух всю жизнь остается подчиненным всем необходимым природой и ограниченными всеми невозможностями естества... Во мне живет некая обобщающая сила сознания, охватывающая миры и разверзающая мне необъятные духовные горизонты; но эта сила всю свою

жизнь замурована в стенах своего единичного тела, она слабеет от голода, изнемогает в переутомлении и иссыкает при бессоннице»<sup>3</sup>.

Однако философ предлагает на минуту представить себе иную, противоположную картину мира. Все счастливы. Полный достаток душевный и телесный. Ни голода, ни боли, ни какого бы то ни было неудовлетворения. Полное всеобъемлющее счастье. И. Ильин рассуждает, что в таком случае началась бы новая эпоха в существовании человечества. Мыслитель определяет ее как эпоху породы «человекообразных»: «...Порода безразборчивых наслажденцев, пребывающих на самом низком душевном уровне <...> Это были бы неунывающие лентяи; ничем не заинтересованные безответственные лодыри, без темперамента, без огня, без подъема и без полета; ничего и никого не любящие, ибо любовь есть прежде всего чувство лишенности и голода. <...> Слышите их нечленораздельную речь, это безразличное бормотание вечной пресыщенности, этот невеселый смех идиотов? Страшно подумать об этой погибшей духовности, об этой тупой порочности, об этом унижении ничего-невывесняющих полулюдей, которые прокляты Богом и обречены на то, чтобы не ведать страдания...»<sup>4</sup>. Именно присутствие напряжения, а не отсутствие его, в конечном счете, определяет человеческую жизнь. Желание изменить ситуацию, достигнуть результата, наконец, обрести духовное богатство толкают человека на поиск необходимых решений, на осмысленные душевные устремления к некоему идеалу.

В. Франкл, обнаруживая в нашем времени тенденцию к недостатку осмысленности бытия и душевной устремленности к идеалам и, напротив, избыток поглощенности бытовой стороной жизни и связанных с ней материальных удобств, писал: «Существует не только патология стресса, но также патология отсутствия напряжения. В эпоху экзистенциальной фрустрации мы должны опасаться не столько напряжения как такового, сколько недостатка напряжения, возникающего вследствие потери смысла. Я считаю

опасным заблуждением для психического здоровья ту точку зрения, что человек прежде всего нуждается в гомеостазе. Что человеку действительно нужно — так это достаточное напряжение, возникающее в результате появления смысла, который он должен реализовать»<sup>5</sup>.

Бердяев, как уже отмечалось ранее, определял человека отличным от животного также с позиций надления первого даром страдания, лишенность которого отнимала бы у человека и его духовность. «Духовность в этом мире всегда остается связанной с опытом страдания, с противоречиями и конфликтами в человеческом существовании, со стоянием перед фактом смерти и вечности. Существо вполне довольное и счастливое в этом мире, не чувствительное к злу и страданию и не испытывающее страдания, совершенно бестрагичное, не было бы уже духовным существом и не было бы человеком... Не оптимистическое, а пессимистическое чувство жизни говорит о высшем достоинстве человека и о его призванности к вечности... Если бы все стало целесообразно в мире, исчезли трагические противоречия жизни и не было бы больше страданий, то у человека исчез бы дар трансцендирования самого себя, подъема к трансцендентному»<sup>6</sup>. Именно это чувство подвигает человека на творчество, сомнение и поиск.

Таким образом, в страдании заключается глубинный смысл. Личность человека обретает возможность расти и совершенствоваться лишь в случае постоянного движения вперед, к новым и более высоким целям. Физические и душевные страдания, эти «удары молота судьбы»<sup>7</sup>, подстегивают человека и не дают ему остановиться в своем развитии и невольно принуждают совершенствоваться. Как физическая боль является естественным регулятором человеческой жизни и предупреждает его об опасности, так и страдание, внося дискомфорт в плавное течение жизни человека, указывает на духовные и душевные проблемы, требующие особого рассмотрения личностью. Человек получает возможность корректировать свою лично-

стную структуру и влиять на свою судьбу, а если это невозможно — достойно переносить лишения и тяготы жизни, совершенствуясь нравственно и духовно. Следовательно, страдание не только оберегает человека от нравственного бездействия, но и вызывает кардинально преобразующее духовное напряжение.

Страдание пронизывает всю нашу жизнь, доставляя нам душевный и физический дискомфорт; перед ним невозможно отступить и от него нельзя скрыться, ибо нельзя скрыться от жизни. Но мудрая Природа позаботилась о том, чтобы человеческий род был способен выдержать посылаемые ему мучения. Сам фактор времени является естественным невидимым контролером страдания, благодаря которому люди не потеряли рассудок от постоянных огорчений, слез и утрат. Наоборот, повторяющаяся смена исторических и биологических ритмов, где на смену физической боли и душевным мукам приходит облегчение и радость победы, позволяет человеку воспитывать в себе мужество и волю. Так, за муками, предшествующими рождению ребенка и о которых доподлинно знает только женщина, следует радость рождения новой жизни. О муках материнства большинству девочек известно еще до их замужества, однако счастье, связанное с рождением ребенка, вызывает к жизни такие мощные движения души, что боль отходит на второй план.

Боль является естественным коррелянтом жизни. Она служит средством предупреждения об опасности и таким образом способствует сохранению жизни. Однако страдания, порождаемые физической болью, имеют, по К. С. Льюису, познавательный характер. Благодаря физическому страданию, человек отделяет добро от зла, проводит границу между истиной и заблуждением. В этой связи философ говорит о скрытом и явном зле. К первому относятся неосознаваемые нами ошибки и грехи, и чем грубее и черствее душа человека, совершающего эти ошибки, тем меньше душевных мук и угрызений совести он испытывает. Боль же и страдание привле-

кают внимание сразу. Их невозможно не заметить, мимо них не пройти. Они явствуют со всей определенностью, что у личности не все в порядке. Льюис пишет: «Мы можем не замечать наших грехов, глупостей и даже удовольствий, но страдание не заметить нельзя. Господь говорит с нами тихо, доставляя нам радость, беседуя с нами голосом совести, и кричит, напуская страдания. Страдания — мегафон Божий»<sup>8</sup>.

И наоборот, сознательное уклонение от боли и страданий, желание мысленно предугадать и заблаговременно устранить возможную причину их появления может оказать человеку плохую услугу, ибо, исключая страдания, мы лишаемся одновременно и многих радостей. Григорий Померанц, повествуя о событиях своей молодости, рассуждает, что боязнь больших страданий может перекрывать возможность большой радости и душевного роста. Философ рассуждает, что, например, чувство любви, как переживание внутреннего голода и стремления к единению с предметом своей любви, мы зачастую подвергаем логическому анализу и соотносим его с принципами мудрости и полезности. Так, по словам философа, и произошло в его студенческие годы, когда любовь, поразившая юношу в самое сердце, была насильно втиснута в достойные рамки дружбы. Г. Померанц пишет, что на тот момент он считал свой поступок очень мудрым. Однако впоследствии он раскаялся, ибо понял, что отбросив любовь, он помешал душе расти. События своей юности Г. Померанц соотносит с более зрелым возрастом. Философ вспоминает годы своего заключения в лагере МВД. Время его изгнания было освещено любовью к одной заключенной. Г. Померанц рассказывает, что за два года он пережил то, о чем читал только в книгах. Муки любви смешивались с взлетами ликования. Склонность к рациональности обогатилась глубиной спонтанных душевных переживаний.

Человек, бегущий от проблем, обрекает себя на душевный застой и деградацию. Это совсем не означает, что нужно искать лише-

ния и активно притягивать их к своей судьбе. Как известно, Иисус Христос не искал креста, а наоборот, просил своего духовного отца избавить его от уготованных страданий. Однако, приняв крест, он достойно нес его до самого конца. И нам известен результат — глубочайшее преображение, взлет на невиданные доселе высоты духовности, возрождение.

Слабоволие человека служит ему плохим оправданием, ибо, оправдывая себя, человек себя же и обманывает. Он демонстрирует окружающим не только отсутствие в своей жизни цели и неумение принимать определенные решения, но и нежелание укрепить свою волю. Однако судьба, этот строгий вдохновитель души, вмешивается в жизнь людей, заставляя их пересмотреть свое существование и развить в себе определенные нравственные качества, пускай даже перед самой смертью. В связи с этим было бы интересно обратиться к случаю, описанному доктором В. Франклом в своей книге «Человек в поисках смысла».

«Молодая, крайне избалованная женщина однажды совершенно неожиданно попала в концентрационный лагерь. Там она заболела, и было видно, что она угасает. За несколько дней до смерти она произнесла такие слова: «По сути дела, я благодарна судьбе за то, что она обошлась со мной так сурово» <...> Она видела, что приближается смерть, и встречала ее по-настоящему смело. С постели больной иногда удавалось мельком увидеть ветвь цветущего каштана за окном. Женщина часто говорила об этом дереве, хотя оттуда, где она лежала, была видна лишь одна ветка с двумя соцветиями. «В моем одиночестве это дерево — мой единственный друг, — говорила больная. — Я беседую с ним»<sup>9</sup>.

Так, в предельной ситуации судьба, посылая человеку страдания и даже смерть, предоставляет тем самым ему возможность изменения и духовного роста. Перед лицом страдания личность учится проявлять силу своего характера, собирать волю «в кулак» и достойно и смело встречать перемены. Та-

кие моменты жизни, происходящие, однако, перед самой ее кончиной, становятся для человека истинным метафизическим достижением, хотя в сфере физической его настигает смерть.

В. Франкл, как и многие тысячи людей, испытал на себе трагизм двадцатого столетия. Как и тысячи людей, повинных лишь в своей национальной принадлежности, прошел ужасы нацистских концентрационных лагерей. Однако еще до войны Франкл завершил в основном разработку своей теории о стремлении к смыслу как главной движущей силе поведения и личностного роста человека. И в условиях концентрационных лагерей эта теория прошла беспрецедентную проверку. Согласно наблюдениям доктора Франкла, наибольшие шансы выжить в невыносимых условиях были не у тех, кто обладал более крепким здоровьем, а у тех, кто отличался наиболее крепким духом, кто имел смысл, ради которого стоило во что бы то ни стало жить. Сохранить себя, свою личность, не сломаться под гнетом унижений и нечеловеческого обращения позволяет «упрямство духа», как Франкл называет способность держать обрушивающиеся на тело и душу удары судьбы.

*Обретение смысла: категория ценностей по Франклу.*

В свою теорию смысла философ вводит представление о ценностях как о смысловых универсалиях, позволяющих сделать свою жизнь осмысленной. Смысл может быть найден: «Во-первых, с помощью того, что мы даем жизни (в смысле нашей творческой работы); во-вторых, с помощью того, что мы берем от мира (в смысле переживания ценностей) и, в-третьих, посредством позиции, которую мы занимаем по отношению к судьбе, которую мы не в состоянии изменить»<sup>10</sup>. Но в русле нашего исследования мы опустим обсуждение ценностей творчества и переживания и подробно остановимся на ценностях отношений. Именно с этой группой ценностей связан пафос и новизна подхода В. Франкла. Он уделяет наибольшее внимание тому обстоятельству, что даже в безвы-

ходной ситуации, — то есть при таком стечении обстоятельств, которое делает невозможным вмешательство человека с целью их изменения, — при максимальном душевном или физическом страдании, человек волен занять осмысленную позицию по отношению к ней и придать своему страданию глубокий жизненный смысл.

Понятие свободы по отношению к своим страданиям Франкл неразрывно связывает с понятием ответственности и с совестью, называя последнюю органом смысла. Ответственное отношение к своей жизни и ко всем радостям и особенно, страданиям, тесно связанным с ее течением, философ приравнивает к жизненной задаче, обязательной для каждого человека. Судьба, как и смерть, является частью самой жизни и не позволяет человеку выйти из ее конкретных и неповторимых рамок. Под судьбою Франкл понимает такие обстоятельства жизни, которые человек не в силах изменить и которые он должен принять как данность. Философ разделяет понятие судьбы и те жизненные коллизии, которые явились следствием противоправных или безнравственных действий и за которые человек должен выпить искупляющую чашу своей вины. Таким образом, речь идет о страданиях, посланных судьбой, а не вызванных укорами совести или наказанием за преступление.

Человеческая свобода не означает оторванность от судьбы. Наоборот: «Свобода без судьбы невозможна; свобода может означать лишь свободу по отношению к своей собственной судьбе. Каждый человек свободен. Но он не свободно парит в безвоздушном пространстве, а окружен множеством взаимосвязей. Эти взаимосвязи являются, однако, точками посягательства на его свободу»<sup>11</sup>. Жизнь человека является, таким образом, бытием, каждый раз решающим, чем ему быть. По Хайдеггеру, страх перед неумолимыми силами судьбы, а также страх от осознания человеком конечности своего существования наталкивает личность на необходимость преодоления этого страха и на осмысленное отношение к жизни<sup>12</sup>.

Невозможно навязать человеку смысл. Он должен быть найден самостоятельно. Процесс нахождения смысла уникален в каждой ситуации. Он каждый раз представляет из себя «требование момента»<sup>13</sup>, направленное для осознания конкретному человеку в конкретный момент его жизни. Франкл убедительно доказывает, что нет такой ситуации, которая была бы лишена смысла и нет также человека, которому его судьба не приготовила бы определенную задачу. Однако такая задача не обязательна для решения: жизнь лишь предоставляет возможность реализации тех заложенных в личности потенциалов, которые реализуются либо под воздействием самостоятельных волевых качеств личности, а также ее нравственного желания достичь духовного совершенства или простого стремления к нему, либо благодаря вмешательству судьбы. Человеку каждый раз предоставляется свобода выбора между удобным, привычным, но не ведущим к совершенствованию существованием с одной стороны, и активным, деятельным бытием, изобилующем лишениями и страданиями, но наполненным также и душевным ликованием от радости собственных побед. Именно трагическая триада, включающая в себя страдание, вину и смерть, позволяет по-новому взглянуть на собственную жизнь и, преодолев себя и свое горе, взойти на более высокую ступень духовности.

И. Ильин пишет: «Страдание свидетельствует о расхождении, о диссонансе между страдающим человеком и богосозданной природой: оно выражает это отпадение человека от природы, означая в то же время начало его возвращения и исцеления. Страдание есть таинственное самоцеление человека, его тела и души: это он сам борется за обновление внутреннего строя и лада своей жизни, он работает над своим преобразованием, он ищет «возвращение»<sup>14</sup>. Страдание может прекратиться лишь тогда, когда человек справится со своей задачей и достигнет поставленной ему судьбой определенной цели. Бегство от страданий не представляется конструктивным решением проблемы. «Ос-

лепление» себя алкоголем или наркотиками может только на какой-то промежуток времени помочь человеку забыться. Однако, убирая, по возможности, страдание из физической области, мы не в силах забыть их на уровне духовном. Как червь будут глотать они человека изнутри, не давая ему успокоения.

Уход человека от страданий в иллюзорное бытие алкогольного или наркотического опьянения служит средством подавления отрицательных эмоциональных переживаний, что приводит, в конечном счете, к постепенному убийству собственной внутренней жизни. Страдающий человек, по мнению И. Ильина, должен быть проявлять терпение и не предаваться отчаянию. Выход может быть найден в творческом восприятии и отношении к переживанию. Таким примером может служить телесная боль. Наряду с выявлением органических ошибок, приведших к ее появлению, и медикаментозными средствами, призванными устранить эти ошибки и прекратить страдания тела, человеком должна быть предпринята попытка «настолько повысить и углубить свою духовную жизнь, чтобы ее интенсивность и ее горение отвлекли запасы жизненной энергии от телесной боли»<sup>15</sup>.

Э. М. Ремарк в своем романе «Жизнь взаимы» красочно обрисовывает пациента туберкулезного санатория, который смог подняться над своими физическими страданиями и благодаря силе своего духа не только продлил свою собственную жизнь, но и наполнил содержанием жизнь других пациентов, являя им пример «упрямство духа», как сказал бы В. Франкл.

#### *Конформизм или ответственный выбор.*

Франкл, говоря об ответственности человека перед своей душой, подразумевал, что никто не принуждает его совершенствоваться, это лишь его право и его выбор. Выбор оставаться индивидуальностью или дорасти до личности. Н. Бердяев определяет человеческую сущность как сосуществование двух категорий — индивидуума и личности. Первая связана с принадлежностью к опре-

деленному роду, социальному классу. Индивидуум, обладая собственным телом и собственной душой, детерминирован, однако материальным миром и социальной средой. Индивидуум не обладает той степенью свободы, которая характерна для личности. Прячась в конформизм и оправдывая свои действия, или же свое бездействие, требованиями приватной порядочности или исполнением долга, индивид снимает с себя личную ответственность за свои действия. Иначе поступает личность. Она противопоставляет себя всему автоматическому, заложенному в психической и социальной структуре человека.

Бердяев пишет, что личность является сущностью другого измерения. В то время как индивидуум принадлежит земному и определяется земным, личность принадлежит Богу. Личность послана в мир земной для преодоления рабства души, для ее роста. Лишения и страдания, посылаемые человеку судьбой, обращены не к индивидууму в нем, а к его личности. Человек является гражданином двух миров — мира земного и мира духовного. Соединяя в себе одновременно и индивида, и личность, он, однако, уже обрел себя в мире телесном. Его экзистенциальные мучения и страдания связаны с обретением другого мира, — духовного. Человеку принадлежит свобода выбора — вырасти до личности или остаться индивидуумом. Это его свобода и его ответственность.

Только личность, как структура духовности, способна обращаться к духовному — к любви, восхищению, жалости и состраданию. Таким образом, собственные страдания, физические и душевные, делают более понятными страдания другого, оберегают нас от эгоцентричности, дают возможность приблизиться к постижению универсального духовного мира. Бердяев пишет: «Существование личности предполагает существование сверхличностных ценностей. Личности человека нет, если нет бытия, выше ее стоящего, если нет того горнего мира, к которому она должна восходить. Личности нет, если нет сверхличностных ценностей, и лич-

ности нет, если она лишь средство сверхличностных ценностей»<sup>16</sup>.

Неумение сострадать означает недостаток духовной широты. И наоборот, чем душевно богаче, независимее человек, тем более способен он отвлекаться от мыслей о себе самом и задумываться о возможном благом участии в судьбах окружающих его людей. В. Франкл рассказывает о драматических событиях, произошедших в последние дни жизни одного молодого человека, медленно умиравшего в больнице от опухоли спинного мозга. Парализованный, он подбадривал и развлекал других больных рассказами и чтением книг. Когда же ему отказали руки, он мужественно принял на себя роль советчика и наставника больных. Всем своим существом он демонстрировал пример стойкости и мужества, так необходимый находящимся рядом с ним пациентам.

В то время, как многие психологи трактуют страдание как состояние, угрожающее психическому здоровью человека и ведущее к неврозам и психозам, Франкл дает ему положительную оценку. Не только само страдание, но и его особенности и способы переживания имеют глубокий смысл — они убеждают человека от душевного окования и апатии, делают его нравственно богаче и духовно сильнее. Страдание, как состояние разорванности между наличествующим и желаемым является, прежде всего, состоянием неустойчивости. Удовольствие же, напротив, непротиворечиво. Однако оно не способно придать жизни смысл, ибо своей устойчивостью отрицает внутреннюю борьбу и развитие.

Страданий не следует бояться, от них не стоит бежать. Отношение к ним человека позволяет проникнуть в его внутреннюю сущность и означает возможность совершенствования.

<sup>1</sup> Барулин В. С. Основы социально-философской антропологии. М., 2002. С. 193.

<sup>2</sup> Бердяев Н. А. Диалектика божественного и человеческого. Москва-Харьков, 2005.

<sup>3</sup> Ильин И. А. Религиозный смысл философии. М., 2003.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Франкл В. Воля к смыслу. М., 2000. С. 86.

<sup>6</sup> Бердяев Н. А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 413–414.

<sup>7</sup> См.: Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 227.

<sup>8</sup> Льюис К. С. Любовь. Страдание. Надежда. М., 1992. С. 158.

<sup>9</sup> Франкл В. Человек в поисках смысла. Сборник. М., 1990. С. 230–231.

<sup>10</sup> Frankl V. Psychotherapy and existentialism. New York: Simon and Schuster, 1967. P. 15.

<sup>11</sup> Франкл В. Психотерапия на практике. СПб., 2001. С. 76.

<sup>12</sup> Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С. 141.

<sup>13</sup> См.: Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 39.

<sup>14</sup> О пользе страданий и лишений / Сост. А. Баранов. М., 2006. С. 21.

<sup>15</sup> Там же. С. 23–24.

<sup>16</sup> Всемирная философия. XX век / Авт.-сост. А. П. Андриевский. М., 2004. С. 142.